

С. А. Кочуков*

ИСТОРИК Д. И. ИЛОВАЙСКИЙ
О РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877-1878 гг.

СОБЫТИЯ НА БАЛКАНАХ в 1877–1878 гг. оставили, безусловно, значительный след в русской мемуаристике, но большинство всех этих воспоминаний и дневниковых записей были написаны людьми военными, для которых боевые действия были процессом, так или иначе связанным с их жизнью, что же касается отношения русского общества, то этот аспект представлен в исторической литературе фрагментарно¹. Круг лиц, попавший в поле зрения историков, был достаточно традиционным: Ф. М. Достоевский, В. М. Гаршин, Д. М. Менделеев, И. И. Сеченов, Н. В. Склифосовский, В. В. Верещагин, И. А. Щеглов, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой. В результате эти имена плавно переключаются из одного исследования в другое. С другой стороны, источники личного происхождения в работах ряда исследователей, которые занимались проблемой русско-турецкой войны на Балканах в 1877–1878 гг., так и остались невостребованными. По всей видимости, это объясняется тем, что так называемые «штатские авторы» были заслонены «профессионалами» – военными: П. Гейсманом, С. П. Зыковым, Е. И. Мартыновым, А. М. Зайончковским, А. Н. Куропаткиным². Два последних оставили первоклассные воспоминания о балканском конфликте³. Тем не менее, несмотря на доминирование военных, существует целый ряд мемуарной литературы созданной людьми сугубо штатскими. Именно к таким можно отнести воспоминания отечественного историка Дмитрия Ивановича Иловайского⁴.

* Кочуков Сергей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории российской цивилизации Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

¹ В первую очередь это работы С. А. Никитина (*Никитин С. А. Россия и освобождение Болгарии* // ВИ. 1978. № 7.); И. Козьменко (*Козьменко И. Русское общество и Апрельское болгарское восстание 1876 года* // ВИ. 1947. №5.); О. В. Орлик (*Орлик О. В. Представители русской прогрессивной интеллигенции России – участники русско-турецкой войны 1877–878 гг.* // ВИ. 1978. № 4.); В. М. Хевролина (*Хевролина В. М. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и общественное движение в России* // ВИ. 1978. № 9.) и наконец достаточно старое, но не потерявшее своей актуальности диссертационное исследование О. А. Яковлева «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и русское общество».

² Гейсман П. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в Европейской Турции. СПб., 1906. Вып. 1–2; Зыков С. П. Война 1877–1878 гг. СПб., 1879–1880. Вып. 1–6; Мартынов Е. И. Блокада Плевны (По архивным материалам). СПб., 1900; Зайончковский А. М. Наступательный бой по опыту действий генерала Скобелева в сражениях под Ловчей, Плевной и Шейново. СПб., 1893; Куропаткин А. Н. Действия отрядов генерала Скобелева в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. СПб., 1885. Ч. 1–2.

³ Зайончковский А. М. Сражение под Ловчей 22 августа 1877 года. СПб., 1895; Куропаткин А. Н. Записки о русско-турецкой войне. Берлин, 1909; Он же. «Под Плевной. (Практика траншейной войны)» // Сборник военных рассказов. СПб., 1879. Т. 2; Он же. С полей сражений // Военный сборник. 1877. Т. 118. № 12.

⁴ Иловайский Д. И. Поездка под Плевну // Русская Старина. 1883. № 2; Письма о русско-турецкой войне // Иловайский Д. И. Мелкие сочинения, статьи и письма 1857–1887 гг. М., 1888.

Имя Д. И. Иловайского было известно в дореволюционной России в первую очередь как автора многотиражных учебников по отечественной и зарубежной истории⁵. Что же касается научных трудов Дмитрия Ивановича⁶, то они были встречены специалистами, можно сказать, в штыки. Русское прогрессивное общество конца XIX – начала XX в. уже не воспринимало великодержавные идеи как во второй четверти XIX в., что же касается историков советского периода, то труды Иловайского были отнесены к категории яро монархических, к «исключительному русскому национализму»⁷.

Однако помимо фундаментальных исторических трудов по древней Руси Иловайского интересовали события, современником которых он являлся. В частности он обращался к теме национально-освободительного движения в Польше и Белоруссии. К событиям на Балканах он, безусловно, не мог оказаться безучастным. Считается, что Иловайский впервые обратился к проблеме русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на страницах журнала «Русская Старина», где были опубликованы его воспоминания с описанием поездки под Плевну⁸. Но впервые Дмитрий Иванович затронул балканскую тему на страницах газеты «Русский мир»⁹. По всей видимости, на решение Иловайского взяться за перо подтолкнули апрельские события 1876 г. в Болгарии и июльские в Сербии и Черногории. Рассматривая очередной балканский кризис, Дмитрий Иванович стоял на позиции усиления русского влияния в данном регионе и пытался обосновать мессианскую роль России по отношению к братьям по вере¹⁰.

Дмитрий Иванович Иловайский в своих достаточно определенных высказываниях был далеко не одинок. С древнейших времен между русским и болгарским народами существовали глубокие и многообразные связи. В период всего многовекового пребывания под османским владычеством болгары не теряли надежды на помощь со стороны Российской империи, что особенно показательно в русско-турецких войнах 1806–1812 гг. и 1828–1829 гг. Тем не менее, военные действия против Османской империи так и не смогли разрешить балканский во-

⁵ Иловайский Д. И. Краткие очерки русской истории: Курс старшего возраста. М., 1860.

⁶ Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М., 1884; *Он же*. Гродненский сейм 1793 г. Последний сейм Речи Посполитой. М., 1870; *Он же*. Разыскания о начале Руси. М., 1876; *Он же*. История России. М., 1876–1906. Т. 1–5.

⁷ Рогожин Н. М. Д. И. Иловайский // Историография истории России до 1917 г. В 2 т. Т. 1. С. 105.

⁸ Иловайский Д. И. Поездка под Плевну // Русская Старина. 1883. № 2. С. 351–374.

⁹ Иловайский Д. И. Письма о русско-турецкой войне // Русский мир. 1877. № 6.

¹⁰ «Если наша доблестная армия будет призвана к решению своей настоящей великой задачи, мы всегда останемся на стороне самого энергического образа действий. Заранее хорошо рассчитанные удары, конечно, будут исполнены быстро и решительно, не озираясь на каждом шагу по сторонам, как это было на Дунае в 1854 г. Враги пугали нас новым избиением славян при первом движении русской армии. На это можно отвечать только одно: новое избиение снимет с нас все бывшие дипломатические обязательства по данному вопросу. Чем более прольется крови беззащитных населений, тем радикальнее должно быть их освобождение и очищение их земли от мусульман. Впрочем, мы говорим все это только на случай; ибо возможно и то, что сегодня же или завтра телеграф принесет нам известия уже другого свойства. Могут завязаться переговоры; а между тем, пока черногорцы остаются в выжидательном положении, Орда успеет подавить миридитов и затем принудить Черную Гору к миру, на основаниях status quo. Англо-австрийские друзья Орды конечно не дремлют.» (Иловайский Д. И. Письма о русско-турецкой войне // Русский мир. 1877. № 6.).

прос. Причины этого кроются, во-первых, в поражении России в период Крымской войны, а во-вторых, в недостаточно твердой и последовательной политике самой Российской империи по отношению к национально-освободительному движению на Балканском полуострове. Само известие о готовившихся боевых действиях и начало войны были восприняты в русском обществе в основном доброжелательно¹¹. Споры возникли лишь в той части, где требовалось определить задачи Российской империи. По сути, здесь можно выделить три точки зрения.

Сторонники первой позиции были более сплоченными идеологически, а главное, те догмы, которые они отстаивали, были понятны буквально всем слоям русского общества. Определить эту точку зрения можно так – предстоящая русско-турецкая война – это «*борьба за идею*». По сути, авторами этой позиции являлся своеобразный дуэт Мещерского и Иловайского. В своей работе «Правда о Сербии», В. П. Мещерский неоднократно утверждал, что война с Турцией: «...Божьей милостью война за идею»¹². Диаметрально противоположные утверждения Мещерский категорически не воспринимал: «Людам, сомневающимся в том, что движение умов в пользу славян истинно народное, я бы посоветовал прочесть хотя бы частицу писем, получаемых И. С. Аксаковым как председателем Славянского комитета из разных концов и от разных лиц России. Именно в Москве, средоточии русской жизни, возможно это сочувствие в том виде, а каком оно проявляется»¹³. В доказательство своему утверждению, что он не одинок, Владимир Петрович приводил значительное число высказываний представителей русского общества о предстоящей войне¹⁴.

Дмитрий Иванович Иловайский в полной мере стоял на позиции князя Мещерского. Более того, Иловайский был сторонником войны до победного конца, так как боялся, что Россия может, как это не раз было, пойти на какие-то закулисные переговоры не только с Турцией, но и с Англией, Пруссией или Австрией. В результате будет довольствоваться малым, и не о каком освобождении братских народов не может идти речь. Помимо упрямого утверждения о необходимости войны, Иловайский считал, что каждый должен заниматься своим делом, в частности военные – стратегическими вопросами, Министерством иностранных дел – взаимоотношениями с соседями и т.д. Еще 1 октября 1876 г. историк отмечал в своем письме: «Войну угнетенных славян с турецкой ордой я понимаю только как войну в высшей степени энергичную, войну без колебаний и усталости. А иначе не следовало совсем и начинать ее. ... Система приостановок и толки о перемирии уже начали обнаруживать свои плоды. Вожди армии вместо

¹¹ Исключение составляет, пожалуй, только Д. А. Милютин, который считал, что если война с Турцией и нужна, то необходимо ее отсрочить насколько можно. Причину военный министр видел в том, что в случае начала боевых действий Россия может остаться в международной изоляции: «Может выйти то же, что было в Крымскую войну, опять вся Европа опрокинется на нас». (Милютин Д. А. Дневник. 1876–1877. М., 1949. Т. 2. С. 58.)

¹² Мещерский В. П. Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 3.

¹³ Там же. С. 20.

¹⁴ «Купец пишет из своей лавочки на Нижегородской ярмарке: “Да когда же, Бога ради, мы вступимся за братьев посильнее да подействительнее”. Там другой купец пишет из глуши Сибири: “Да нельзя ли всем верноподданным сказать царю, что мы готовы до последнего идти за веру, царя и отечество, куда и на кого царь велит”. Тут священник дальнего прихода пишет: “Посылаю деньги и пожелания всех прихожан, чтобы Бог услышал наши молитвы – и повел нас в избавление братьев от гнета, скорби и печали”. Здесь студент пишет: “Посылаю, что могу, пока сам не приеду в Сербию”». (Мещерский В. П. Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 20–21.)

того, чтобы всецело отдаться своим стратегическим боевым задачам, принуждены бороться с политикой колебаний и приостановок. Отсюда рождаются новые затруднения»¹⁵.

Вторая точка зрения в основном была распространена среди офицеров. С одной стороны, это может показаться странным, ведь военные всегда были сторонниками решения проблем радикальными способами. В частности кн. Мещерский отмечал: «Здесь офицеры такого-то полка пишут совокупно: “Нас много, желающих сражаться за освобождение славян; авось будет война; а пока скажите, Бога ради, можем ли мы ехать в Сербию на средства Славянского комитета и что нужно предпринять? Не ехать как-то стыдно”»¹⁶. Однако не нужно забывать с какой точки зрения рассматривал войну князь Владимир Петрович. В основной же своей массе российское офицерство стояло на несколько других позициях, нежели издатель-редактор «Гражданина» и внук Н. М. Карамзина. В многочисленной мемуарной литературе посвященной русско-турецкой войне 1877–1878 гг., авторами которых являлись офицеры-участники балканских событий, неоднократно отмечалось: война это не пикник¹⁷. Кроме того, российским офицерством предстоящие бои воспринимались еще и как смена обстановки¹⁸. Дело в том, что российский офицерский корпус переживал не лучшие времена, постоянно находясь в кризисном состоянии. Кризисное состояние ярко проявилось уже в ходе Крымской войны, а последующие затем реформы гр. Д. А. Милютина должны были реанимировать вооруженные силы и офицерство. Однако мероприятия главы военного ведомства не могли положительно себя проявить в кратчайшее время, что и обнаружилось в русско-турецкую войну 1877–1887 гг. С одной стороны, политическая подготовка боевых действий была неудовлетворительной, силы турецкой армии недостаточно известны, с другой стороны, некачественная подго-

¹⁵ *Иловайский Д. И.* Письма о сербо-турецкой войне // *Иловайский Д. И.* Мелкие сочинения, статьи и письма 1857–1887 гг. С. 234.

¹⁶ *Мещерский В. П.* Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 20.

¹⁷ «...жило плохо: обозы отставали, припаса не было, табак выкурили, хлеб поели, а достать ничего нельзя... Появились раненые, забегали санитары с носилками, посылались стоны умирающих и все обширное пространство обратилось в какой-то ад». (Воспоминания стрелка. СПб., 1886. С. 14, 19.); «Двигались медленно, мы совершенно истощили наши запасы, а так как все окрестные деревни были разорены, то нельзя было достать ни хлеба, ни соли. Гвардия была в продолжение нескольких дней в таком же положении, ибо вследствие невылазной грязи, обозы и транспорты отстали». (*Гусман*. Описание действий летучих отрядов Общества Красного креста в отряде генерала Гурко. СПб., 1878. С. 4.); «Бессонные ночи с 18-го августа весьма утомительны. Наши траншеи не защищают от навесного огня, а для устройства блиндажей не здесь материала. Большое количество убитых и раненных. Турецкие батареи действуют замечательно согласно, чего так не хватает нам...». (Пять месяцев на Шипке в 1877 году. (Из дневника офицера Подольского полка) // Военный сборник. 1883. № 4. С. 150–151.)

¹⁸ В своих воспоминаниях А. А. Брусилов так описывал это время: «Трудно описать восторг, охвативший весь полк по получении этого известия (объявления войны. – С. К.). Радовались предстоящей новой и большинству незнакомой боевой деятельности (все почему-то уверовали, что без войны дело не обойдется); радовались неожиданному перемену в однообразных ежедневных занятиях по расписанию; радовались, наконец, предстоящему, хотя бы и мирному походу, который заменял особо скучную до приторности штаб-квартирную казарменную жизнь... Впрочем, нужно правду сказать, что едва ли кто-либо был особенно воодушевлен мыслью идти драться за освобождение славян или кого бы то ни было, так как целью большинства была именно сама война, во время которой жизнь течет беззаботно, широко и живо...». (*Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М., 2004. С. 20–21.)

товка и шапкозакидательские настроения среди основной массы офицеров и солдат.

Видимо, историк Иловайский в определенной степени был знаком с положением армейских дел, особенно после неудачной Крымской войны. Несмотря на глубокое убеждение о необходимости решения России своей исторической миссии, Дмитрий Иванович неоднократно заявлял: «Никогда мы не говорили о легкости предстоявшей нам борьбы... Напоминаем о том возможном еще в нашем обществе благодушным людям, которые на освобождение славян смотрят как на военную прогулку за Дунай. Нет, мы имеем дело с врагом многочисленным, а главное ловким и ехидным»¹⁹.

Наконец третья точка зрения, сторонников которой было не особенно много. К таким можно причислить К. И. Воронича, который в своих воспоминаниях попытался доказать, что война на Балканах идет не по идеологическим или каким либо другим причинам. Он так же отметал призывы Иловайского, Мещерского и других к выполнению Россией своей исторической миссии и спасению несчастных братьев славян. Рассматривая боевые действия через призму личности, мемуарист доказывал, что война ведется, и будет вестись только из-за корыстных целей. Причем эти цели, по его мнению, одинаково характеризовали страны-участниц военной компании и персоналий этой войны. Поражает описание самого состава добровольцев, желавших принять участие в боях: «...партия людей, набранных, где попало: здесь были отставные старые офицеры, бывшие мастеровые, разные старые нижние чины – герои пятидесятых годов, юнкера, тоже отставные, статские с длинными волосами, в очках, костюмах неопределенного цвета от старости и медико-хирургические студенты, наиболее выделяющиеся своим видом»²⁰. Именно такие фигуранты, по мнению Воронича, и чернили образ войны²¹.

Несмотря на разброс мнений о задачах России на Балканах, война развивалась совсем не так как планировалась в российском Главном штабе. Если русской армии и удалось сравнительно беспрепятственно переправиться через Дунай, то дальнейшее продвижение шло чрезвычайно медленно. И положение армии России под крепостью Плевной – яркое тому подтверждение. Даже неутомимый оптимист В. И. Немирович-Данченко заявлял, что Плевна – это одна из трех главных битв в предстоящей войне²². Неудача под данной турецкой цитаделью фактически взбудоражила все русское общество. Мемуарная литература ярко этому свидетельствует²³. Что же касается Д. И. Иловайского, то последний

¹⁹ Иловайский Д. И. Письма о русско-турецкой войне... С. 248.

²⁰ Воронич К. И. Изнанка Сербской войны. СПб., 1877. С. 20–21.

²¹ «Нужно было задаваться одним из двух следующих вопросов: посылать ли на Балканы исключительно людей порядочных, способных к делу или каких попало? Если придерживаться первого правила, то следовало посылать только знающих службу, способных офицеров и людей трезвых... Если же задаться вторым вопросом, т.е. помочь просто количеством, то в таком случае посылать тысячами уже без разбора. Посылать же мало, да притом дурных, значит не достигать ни какой цели, что в сущности и было» (Воронич К. И. Изнанка Сербской войны. СПб., 1877. С. 23.)

²² Немирович-Данченко В. И. Год войны. Дневник русского корреспондента // Шипка и Плевна – слава русского оружия. М., 2003. С. 133.

²³ «Вчерашний день не был днем торжества и радости. Назначено было произвести решительную атаку на позицию перед Плевной... С правой стороны получались неутешительные сведения: самые настойчивые атаки наших войск и румынских на главный редут над дер. Гривицы были три раза отбиты турками... На государя жаль было смотреть». (Милютин Д. А. Дневник. 1876–1877. Т. 2. С. 243–244.); «Перевязочный пункт

фактически сразу же после второй Плевны разразился серией статей по поводу неудач на Балканах: «Берем на себя неприятную задачу: говорить о наших неудачах... получили второе, еще более чувствительное, предостережение в виде Плевны. Судя по этому острому впечатлению, которое оно произвело, будем надеяться, что теперь употребить всю энергию и все способы избежать третьего предостережения»²⁴. Однако «избежать третьего предостережения» Иловайскому не удалось. 30 августа 1877 г. состоялся третий штурм турецкой крепости, вошедший в военную историю под названием «Третьей Плевны», который закончился неудачей, как и первые два. Стало очевидно, что взять цитадель штурмом не удастся и необходимо переходить к осаде.

После того, как «настроение русского общества достигло крайней степени»²⁵, Дмитрий Иванович Иловайский совершает поездку на театр боевых действий, под крепость Плевна. Причем это «путешествие» явилось лишь его личной инициативой, так как он не имел никакой протекции. Необходимо отметить, что в то время посещение мест боев было сопряжено с определенным риском и дело не только в чисто военной опасности. С началом боевых действий на Балканах русским Главным штабом, в частности полковником М. А. Газенкампом, были разработаны специальные правила, где указывалось, кто имеет право присутствовать в местах проведения боевых действий. В сущности, Иловайского могли и арестовать, и объявить его иностранным шпионом. Однако, несмотря на все «драконовские правила» Дмитрию Ивановичу удалось осмотреть позиции русских войск, вооружение, госпитали, побеседовать с офицерским корпусом и даже с героем русско-турецкой войны – генералом М. Д. Скобелевым. Именно «Белому генералу» и посвятил в будущем свои воспоминания историк Иловайский. По всей видимости, Дмитрию Ивановичу был свойственен в определенной степени авантюризм. Но Иловайский не только беседовал с офицерами, но и старался проанализировать ситуацию с неудачами третьей попытки взятия Плевны. По словам самого историка, его интересовали два основных вопроса: «Я спрашивал, между прочим, зачем поспешили приступом 30-го августа, имея недостаточные для того силы? Зачем не подождали гвардии, которая была уже на пути в Болгарию?»²⁶. И как явствует из мемуаров, четкого ответа он не где не получил. Значительная часть воспоминаний Иловайского относится к характеристике высших офицеров: А. К. Имеретинского, Э. И. Тотлебена и М. Д. Скобелева. Но если Имеретинский производил лишь впечатление «симпатичного генерала»²⁷, а герой севастопольской обороны Тотлебен описан «старым, честным служакой»²⁸, то Михаилу Дмитриевичу уделено в воспоминаниях значительное место. В приватной беседе со Скобелевым Иловайский попытался вторично поднять вопрос о

представляет тяжелое зрелище: это не те умытые, переодетые, перевязанные раненные, которых встретишь в госпитале, – нет, тут кровь льется ручьями, белье как будто красной материи сшито; врачи все в крови, в гипсе. Больные стонут и просят то попить, то перевязки. Тяжелая картина!» (*Боткин С. П.* Письма. М., 1878. С. 247.); «Я стоял близко и слышал, как Грин рассказывал, что все атаки отбиты и штурм со всех сторон не удался. Я видел, что действие этого рассказа на государя, Главнокомандующего и окружающих лиц было ужасное, вероятно, тут же запала в них, перешедшая потом в решение, мысль о необходимости оставить всякие дальнейшие попытки действовать открытою силою». (*Верецагин В. В.* На войне в Азии и Европе. Воспоминания. М., 1899. С. 250.).

²⁴ Иловайский Д. И. Письма о русско-турецкой войне... С. 258.

²⁵ Иловайский Д. И. Поездка под Плевну... С. 351.

²⁶ Там же. С. 365.

²⁷ Там же. С. 368.

²⁸ Там же. С. 367.

неудачах под Плевной: «Я спросил, между прочим, зачем 30-го августа, если у нас были недостаточные силы, мы серьезно атаковали неприятеля почти на всех пунктах, вместо того, чтобы всю силу удара сосредоточить на одном или двух, а на остальных ограничиться лишь демонстрациями. Он согласился, что так было бы лучше; но воздержался от дальнейших объяснений; так что я на этот счет не приобрел от него более подробных сведений»²⁹. Из разговора со Скобелевым Иловайский сделал вывод, что в деле с Плевной замешана большая политика. В определенной степени Дмитрий Иванович был прав, так как главной причиной неудач русских являлось несогласованность действий. Формальным главой отряда, блокировавшего турок, являлся румынский князь Карл, но реально руководство осуществлялось генералом П. Д. Зотовым, кроме того, в дело вмешивался командующий румынскими войсками генерал Чернат, так же к этому необходимо добавить императора Александра II, военного министра Д. А. Милютину и главнокомандующего Дунайской армии великого князя Николая Николаевича. Весь этот набор высших лиц, безусловно, в большей степени мешал, чем помогал вести бои.

Во время пребывания Д. И. Иловайского под Плевной не обошлось и без эксцессов. Уже отмечалось, что для пребывания в войсках необходимо было специальное разрешение Главного штаба, которого у Дмитрия Ивановича просто не было. Непосредственно в войсках внутренней безопасностью ведал штабной аппарат, в частности в отряде Скобелева этим вопросом занимался А. Н. Куропаткин, в будущем генерал и военный министр, а пока лишь капитан. С момента появления Иловайского в отряде за ним была установлена слежка, но велась она настолько неумело, что историк без труда это заметил³⁰. Однако, заручившись поддержкой М. Д. Скобелева, Иловайский мог чувствовать себя относительно в безопасности.

По сути воспоминания Д. И. Иловайского – это не только один из многочисленных исторических источников о русско-турецкой войне, но и один из первых шагов, сделанных в сторону создания культа М. Д. Скобелева. Возвеличивание генерала начинается еще в ходе русско-турецкой войны, а Дмитрий Иванович как мемуарист внес свой вклад в этот процесс. Дело в том, что на историка Иловайского в какой-то мере повлияло общественное мнение, которое видело в Михаиле Дмитриевиче «второго Суворова». По мнению Иловайского война, безусловно, положительный процесс для появления подобных личностей как Скобелев.

В ходе пребывания историка в русской армии наметился незначительный спор по поводу борьбы за Плевну. Если офицерский корпус в отряде Скобелева был убежден, что для взятия турецкой крепости достаточно своих сил и это «их личное дело», то Иловайский, наоборот, поддерживал позицию официального Петербурга – «прислать гвардейские части и покончить с Ордой», он даже «попытался напомнить о том, что теперь не время возбуждать пререкания, что ввиду неприятеля надобно забыть домашние счета»³¹, но встретил со стороны при-

²⁹ Иловайский Д. И. Поездка под Плевну... С. 369.

³⁰ «Относительно меня Куропаткин обнаружил если не подозрительность, то некоторое недоумение. Он все интересовался знать, зачем я приехал и не имею ли я от кого-нибудь специального поручения. Особенно с этим вопросом он обращал ко мне, когда Скобелев уходил из палатки. Очевидно он не доверял тому, чтобы можно было частному человеку, хотя бы специалисту по русской истории, приехать в армию по собственному желанию, без особых задних мыслей. Такое недоверие мне несколько не понравилось; но само по себе оно не представляло ничего странного». (Иловайский Д. И. Поездка под Плевну... С. 370).

³¹ Иловайский Д. И. Поездка под Плевну... С. 369.

сутствующих такой отпор, что должен был прекратить разговор на эту тему. Тем не менее, до официальных разногласий и разрыва дело не дошло.

Пробыв под Плевной несколько дней, Дмитрий Иванович Иловайский вернулся в Россию и больше уже не возвращался к проблеме балканского кризиса и русско-турецкой войне 1877–1878 гг.